

Глава 13. Платье ценят за новизну, а человека — за верность

Лёгкие облака, словно белые пастухи, взбирались по склонам небес. Две изумрудные пташки, вцепившись в ветку, заводили нежную трель, перебирая друг дружке пёрышки. Утренний свет мягко скользил по зеркальной глади лotosового пруда, рождая россыпь золотых искр, а под резными окнами ещё спали, сомкнув лепестки, цветы.

Дворец Юннин, хоть и не поражал размерами, был устроен со всем подобающим изяществом. Бледно-жёлтая, тёмно-зелёная и павлинье-синяя черепица переливалась на солнце. Главный зал стоял на центральной оси, а по бокам от него, точно крылья, раскинулись восточный и западный павильоны — Цинлуань и Цзинъюнь. Извилистые галереи вели к угловым башням с изящно изогнутыми карнизами. Пологий пандус, ведущий во дворец, был вымощен плиткой с узором из лotosов и украшен тремя ступенями из белого нефрита.

У шестого принца не было наставника, а потому во дворце Юннин отсутствовал и кабинет. Павильоны Цинлуань и Цзинъюнь пустовали, лишь изредка пополняясь дарами императора и императрицы.

Внутреннее убранство хоть и уступало покоям других принцев, но всё же было исполнено с достоинством: киноварные плитусы, белоснежные стены, пол из тёсаного синего камня, подогнанного плитка к плитке. Ширма из сандалового дерева с позолоченным горным пейзажем отделяла спальные покои, где на столиках и креслах лежали два свитка с изображением сбора лotosов. За ширмой виднелся полог кровати из дамасского шёлка, инкрустированной перламутром и мрамором.

— Солнце уже в зените, а ты всё не встаёшь? — Наследный принц, одетый в халат с вышитыми четырёхпальными драконами, отослал слуг и, сложив веер, кончиком приподнял угол лазурного полога, расшитого белыми цаплями. Взгляду открылась неясная фигура, укрытая лёгкой дымкой.

Но вместо спящего юноши он увидел нечто иное. Внутри клубился лёгкий дымок, и тонкий, холодный аромат, похожий на запах сливы под снегом — чистый и отрешённый, — коснулся его обоняния. Гу Чжао лежал на животе, выпятив зад, и, обхватив что-то руками, с увлечением разглядывал.

Заметив, что полог поднят, Гу Чжао поспешно дёрнулся, натянул на себя парчовое одеяло и, завернувшись в него, как гусеница в кокон, глухо пробормотал изнутри:

— Уходи...

Аромат в тот же миг стал слабее.

— Скоро обед. Вставай, умывайся, я отведу тебя во дворец Чанчунь, — произнёс наследный принц, на миг замерев. Запах был незнаком — не успокаивающие благовония и не амбра, что

обычно использовали во дворце. Сердце его дрогнуло от дурного предчувствия: уж не подсунул ли кто из братьев какую-нибудь дрянь? Он присел на край кровати, отодвинул подушку и окинул взглядом постель. Из-под одеяла виднелась изящная золотая коробочка, похожая на саше.

— Это... — наследный принц протянул руку.

Но кокон из одеяла оказался проворнее. Рука выскользнула из-под парчи, схватила коробочку и тут же спрятала её обратно.

Словно маленький пёсик, прячущий свою косточку в безопасное место. А потом, как бы невзначай, усевшийся на своё сокровище. План «защиты» был в действии.

И коробочку он тебе не покажет.

— Это он тебе прислал, да? — догадался наследный принц. Наверное, какое-нибудь душистое подношение.

— Брат, ты выйди сначала, — прохрипел Гу Чжао, торопливо выпроваживая его.

Этого аромата и так было мало. Если наследный принц вдохнёт хоть немного, сливовый дух вокруг него ослабеет. Гу Чжао и дышать-то ему здесь не хотел позволять, не то что полог откидывать.

«Мой брат изменился, — с ноткой печали подумал наследный принц. — Раньше он даже своего любимого „Чёрного генерала“ давал посмотреть».

Он вздохнул, его глаза-фениксы опасно сузились, глядя на кокон. Похоже, придётся применить крайнюю меру.

— Что ж, раз новости из поместья маркиза Динъюань тебя не интересуют, отдыхай, — небрежно бросил он. — А я отправлюсь во дворец Чанчунь.

Гу Чжао тут же попался на наживку и высунул голову из-под одеяла.

— Какие новости?

— Покажи, что у тебя там, — наследный принц указал на одеяло, — и я всё расскажу, как на духу.

Гу Чжао нахмурился, на его красивом лице отразилась мучительная борьба. Спустя мгновение

искушение всё же взяло верх.

— Брат, ты не обманешь меня? — страдальчески спросил он.

— Увидишь, оно того стоит, — в голосе наследного принца проскользнуло веселье, а уголки губ едва заметно дрогнули в улыбке.

Разум Гу Чжао остался на уровне ребёнка, и ему, старшему брату, приходилось нести двойную ношу ответственности. Ожидания материнского рода, власть аристократических семей, надежды многих людей — всё это легло на его плечи, не оставляя сил на что-то ещё.

Иногда его охватывало чувство вины перед младшим братом. Гу Чжао в детстве был невероятно одарён, его называли вундеркиндом, и отец возлагал на него большие надежды. Его жизнь должна была быть гладкой, но всё изменилось из-за него, старшего брата.

Наследный принц подавил укол совести, утешая себя тем, что Гу Чжао по натуре жизнерадостен и всегда найдёт, чем себя развлечь. Когда обстановка стабилизируется, он обязательно всё ему возместит.

Гу Чжао осторожно приподнял край одеяла и протянул ему маленький шарик.

— Вот.

Наследный принц отбросил мрачные мысли и пригляделся. Это оказался круглый серебряный шарик-саше размером не больше ладони, который весело катался по руке принца. Внутри тлели благовония, и дымок вился сквозь прорези в виде птиц и цветов.

— Он прислал тебе благовония? — спросил наследный принц, не называя имени.

— Угу! — Гу Чжао энергично закивал, сияя от радости. — Цунцзинь беспокоился, что я плохо сплю, и специально прислал мне это для спокойного сна.

Гу Чжао сам себя выдал. Наследный принц, не выказывая ни радости, ни гнева, ровно произнёс:

— Заботливо с его стороны.

— Если тебе так нравится этот аромат, почему бы не добавить его в курильницу? — сменил тему наследный принц. — Хоть он и лёгок, но в нём чувствуется стойкая нота орхидеи. Даже в смеси с другими благовониями он будет различим и станет гореть дольше.

Этот шарик-саше, подвешенный над кроватью, был устроен так, что благодаря внутреннему механизму вращался, но не опрокидывался, надёжно удерживая аромат внутри и не позволяя пеплу рассыпаться.

— Цунцзинь сказал положить его в «прикроватную курильницу», — подчеркнул Гу Чжао. — Он не говорил класть в другие.

Шарик-саше и был той самой «прикроватной курильницей». Гу Чжао скрупулёзно следовал всем указаниям Жун Цунцзиня.

— Всё, что он скажет, ты слушаешь, — наследный принц с лёгкой досадой стукнул его по голове кончиком веера.

Гу Чжао потёр ушибленное место и с полной уверенностью заявил:

— Он — моя принцесса-консорт.

Конечно, нужно его слушать.

«И кто ж его назначил?» — безмолвно возмутился наследный принц.

— Брат, говори скорее... — поторопил его Гу Чжао.

Он крутанул запястьем, его ясные, звёздные глаза устали на наследного принца, а рука тем временем, как бы невзначай, снова спрятала шарик.

Наследный принц: «...»

И скажи после этого, что он глуп. Иногда очень даже не глуп.

— Поместье маркиза Динъюань расторгло помолвку с поместьем Юй, — вздохнув, сказал наследный принц. — Брачный договор и подарки — всё вернули.

— За несколько дней управились. Чистая работа, — добавил он с долей удовлетворения.

Поместье Юй не унималось: подарки отправляли обратно, господин Юй лично приходил с извинениями. Но маркиз Динъюань послал отряд крепких слуг, которые снова вернули всё в поместье Юй и потребовали отдать обратно рыбные палочки для еды и вышитые подношения. Как бы поместье Юй ни извинялось и ни пыталось всё уладить, маркиз Динъюань твёрдо стоял на своём: их пути разошлись.

Шум стоял несколько дней. Вмешались и старейшина Юй, и великий канцлер из павильона Гуаньвэнь, и хранитель истории из Военного совета, и генерал Лю из северо-западного военного округа. Скоро этому делу должен был прийти конец.

Гу Чжао вскочил с кровати, сияя от радости, словно цветок, распустившийся под ярким солнцем, с капельками сладкой росы в сердцевине. Он, босой, торопливо начал одеваться, кое-как натягивая на себя халат, и принялся звать:

— Сяо Лэцзы! Сяо Лэцзы!

— Куда ты так торопишься? — остановил его наследный принц.

— Я же обещал ему сделать предложение! — Гу Чжао, который в этот момент казался совсем не глупым, вытолкнул наследного принца из покоев. — Брат, у тебя высокий статус, иди ты!

Сердце Гу Чжао трепетало от радости. Жун Цунцзинь был помолвлен уже больше года, и молодой господин Юй был его законным, признанным женихом. Хотя Цунцзинь и обещал в частной беседе выйти за него, это было лишь устное соглашение, тайное, не имеющее силы. Гу Чжао всё это время жил в тревоге, и вот наконец появился шанс. Как тут не радоваться?

— Не спеши, — наследный принц, которого тот оттолкнул на несколько шагов, развернулся и, положив руки ему на плечи, усадил в кресло. — Я хочу задать тебе один вопрос. Подумай хорошенько, прежде чем ответить.

Гу Чжао глуповато кивнул.

— Ты действительно хочешь взять Жун Цунцзиня в принцессы-консорты? — Наследный принц не хотел портить ему настроение, но, видя, с какой решимостью тот готов немедленно жениться, счёл своим долгом объяснить все последствия.

— Жун Цунцзинь был помолвлен, а теперь помолвка расторгнута. Его репутация уже наполовину погублена.

— Поместье маркиза Динъюань не пользуется благосклонностью отца. Если ты будешь настаивать на браке с Жун Цунцзинем, то можешь лишиться положения при дворе.

— Но даже если тебе на всё это наплевать... знаешь ли ты, почему между поместьем Юй и поместьем Динъюань перед самой свадьбой произошла ссора, закончившаяся разрывом? — медленно произнёс наследный принц. — Шуаны с трудом могут иметь детей. У вас, возможно, никогда не будет ребёнка.

— Если ты женишься на нём, на законного наследника можешь не рассчитывать.

Гу Чжао застыл на месте.

Он никогда не думал об этом, никто ему не говорил. Ему нравились маленькие принцы во дворце, и он мечтал, что у них с Жун Цунцинем будет целая куча детей.

— Раз уж он тебе так нравится, возьми его в боковые супруги, это не будет для него унижением, — видя, что брат надолго погрузился в раздумья, наследный принц сжалился и пошёл на уступку. — У него мягкий характер, он сможет вместе с твоей принцессой-консортом служить тебе.

— Я непременно выберу для тебя принцессу-консорта красивее и заботливее, чем он.

— Я не хочу другую принцессу-консорта! — Гу Чжао ещё не успел всё обдумать, но, услышав это, вскочил и яростно возразил.

Цунцинь хотел быть принцессой-консортом, значит, он им и будет. Кошечка Сяохуа тоже любила только котика Сяохуана, и как бы котик Сяобай ни старался ей угодить, она всё равно лежала только рядом с Сяохуаном, и они вылизывали друг другу шерстку.

Если Цунцинь будет лишь боковым супругом, он уже не сможет проводить с ним столько времени, как раньше.

Гу Чжао, возможно, был наивен, но он понимал одну простую истину: искренность можно получить лишь в обмен на искренность. Сколько отдашь, столько и получишь. Если он с самого начала пойдёт на уступки, то не сможет винить других в пренебрежении.

— Ты что, мимо ушей всё пропускаешь? — Наследный принц по натуре не был мягок, иначе их отношения с Гу Чжао не были бы такими натянутыми. Его взгляд стал острым и строгим.

— Тогда у меня не будет детей.

Гу Чжао, босой, сидел в кресле и, задрвав голову, заявил:

— Мы... мы вдвоём проживём десять тысяч лет!

— Глупости, — отрезал наследный принц. — Бездетный князь может лишь усыновить ребёнка из императорского клана. А приёмный сын никогда не будет так же предан, как родной.

— Тогда я заведу собаку! Она и будет моим законным наследником! — вспыхнул Гу Чжао и, выпятив шею, как бойцовый петух, выпалил: — А если будет непослушной, сменю наследника!

Собак-то полно!

Наследный принц в гневе занёс руку для удара, но, увидев упрямо сжатые губы Гу Чжао и блеснувшие в его глазах слёзы, сжалился и в последний миг смягчил удар.

Он несильно шлёпнул его по голове и, уже не упоминая об обеде во дворце Чанчунь, развернулся и вышел.

Гу Чжао потёр голову. Его прямая спина медленно ссутулилась. Брат всегда был добр к нему, они редко ссорились. И хотя он до последнего отстаивал своё право на этот брак, в душе его всё равно царил тревога.

Посидев так некоторое время, Гу Чжао медленно подошёл к кровати и достал из-под одеяла спрятанную золотую коробочку. Изящная, длиной всего в указательный палец, она изображала поляну под коричневым деревом. У подножия гриба линчжи, среди мерцающей водной глади, сидел милый белоснежный нефритовый кролик и толк в ступке снадобье. Кролик и ступка были инкрустированы белым и зелёным перламутром и отливали мягким, свойственным раковинам светом.

Гу Чжао осторожно провёл пальцем по белоснежной шёрстке кролика и улыбнулся. Яркие звёзды, казалось, упали в осенний пруд его глаз и засияли мягким светом.

Одинокий белый кролик, бежит на восток, а смотрит на запад.

Платье ценят за новизну, а человека — за верность.

*

Весна теплела, пробуждая всё живое.

На заснеженных ветвях проклёвывались первые почки. Весенний ветер, пронёсшись за ночь, расправил нежные травинки, покрытые утренней росой. Зелёный ковёр раскинулся повсюду, и воздух наполнился свежим, живым ароматом травы, дышащим самой жизнью.

Наступил день дружеского собрания в поместье графа Чжунъюн. Би Тао, девушка рассудительная, молча поклонилась и, бесшумно ступая, пошла отжимать полотенце, чтобы помочь Жун Цунцзиню умыться. А вот Фу Тун, надув щёки, как рассерженная лягушка, прислонилась к вышитому табурету и заворчала:

— И зачем туда идти? Четвёртый молодой господин из клана Чжунъюн вечно соперничает с третьим, а вы — его лучший друг. Он каждый раз находит повод для ссоры, а теперь, с таким-то козырем, наверняка захочет им воспользоваться.

Сначала незаконнорождённый сын в доме Юй перед свадьбой, а теперь ещё и расторжение помолвки, о котором шумит весь город. Да и этот Юй Линси, словно съел что-то не то: молодой господин холоден с ним, а он всё липнет и липнет, ни в какую не соглашается на разрыв.

С таким упрямством со стороны семьи Юй, ещё неизвестно, удастся ли вообще расторгнуть эту помолвку!

— Встань. Ни стоять, ни сидеть ровно не умеешь, — отчитал её Жун Цунцзинь.

На лице Фу Тун всё ещё читалось недовольство.

— Молодой господин, — пробормотала она, — этот граф Чжунъюн всего лишь граф, а мы — маркизы. Его мачеха постоянно враждует с сыном от первой жены, а в итоге достаётся нам.

— Он достоин сочувствия, — вздохнул Жун Цунцзинь, откладывая гребень. — Граф Чжунъюн несколько раз пытался получить должность, но из-за прошлых ошибок ему отказывали. Дед госпожи Цю в прошлом году был назначен левым главным цензором, что является высоким постом первого ранга, ведающим такими делами. А вот семья со стороны матери Жоцзиня была отправлена служить в дальние края, и неизвестно, удастся ли им вернуться.

Когда зависишь от других, о детях от первого, не слишком удачливого брака, забываешь. Что значат родственные связи и положение, когда на кону твоё собственное будущее?

Фу Тун была неглупа и тут же всё поняла.

— Вы правы, молодой господин, — поклонилась она. Одно слово — и всё встало на свои места.

— Я не хочу тебя ограничивать, но рано или поздно мне предстоит выйти замуж. Когда мы переедем в другой дом, а ты будешь вести себя так же, кто-нибудь может услышать и навлечь беду, — вздохнув, мягко сказал Жун Цунцзинь.

Обе его служанки, если не случится ничего непредвиденного, должны были последовать за ним. С Би Тао проблем не будет, но характер Фу Тун... для императорской семьи он был слишком несдержан.

Жун Цунцзинь задумался. Фу Тун, догадавшись о его мыслях и испугавшись, что её могут отослать, поспешила помочь ему завязать волосы и заискивающе проговорила:

— Я всё понимаю, господин. Просто каждый раз, когда нас в это втягивают, мне кажется, что четвёртый молодой господин переходит все границы.

— Я в это не вмешиваюсь, есть кому этим заняться.

После обеда служанка доложила, что карета подана. Би Тао несла подарок, приготовленный Жун Цунцзинем для третьего молодого господина из клана Чжунъюн, а Фу Тун — накидку из узорчатого шёлка, чтобы набросить на плечи господина, если похолодает. При ходьбе накидка переливалась фиолетовым светом.

Хотя род графа Чжунъюн и пришёл в упадок, несколько поколений назад они были знатными и влиятельными людьми в Ванцзине. Их поместье располагалось по соседству с резиденцией герцога Фэнъэнь. Шесть дворов — передний, центральный и задний, с двумя входами в главные ворота. Зелёная черепица на крыше с изогнутыми углами, искусно расписанные мифические звери на коньке, — всё говорило о былом величии, лишь слегка поблекшие головы и лапы зверей выдавали ушедшее время.

Въезжая через боковые ворота, Жун Цунцзинь, приподняв занавеску кареты, бросил взгляд на соседнее герцогское поместье. Фигурки зверей на их крыше, залитые лучами заката, сияли так ярко, словно были живыми.

В поместье графа Чжунъюн было небольшое, но ухоженное озеро под названием Цинсян. Сегодняшнее собрание проходило на его берегу, в прогулочной лодке и двух павильонах с изогнутыми крышами. Жун Цунцзинь приехал поздно. Девушки и шуаны из знатных семей уже собрались, и те, кто был знаком, стояли группками по двое-трое, смеясь и болтая. Были и незнакомые лица, которых родственники из Ванцзина представляли своим друзьям, вводя в круг общения.

Жун Цунцзинь огляделся, но не нашёл Жоцзиня и решил присесть на чистый каменный выступ в павильоне у озера, чтобы полюбоваться видом. Водная гладь, мерцающая, походила на россыпь разбитого нефрита и золота. Отражающиеся в ней ивы у берега создавали умиротворяющую картину, и Жун Цунцзинь невольно улыбнулся. За спиной раздался мягкий голос:

— Хоть и весна, но у озера веет прохладой. Тебе стоит поберечь себя.

Жун Цунцзинь с лёгкой улыбкой обернулся.

Напротив него, тоже улыбаясь, стоял юноша. Белая кожа, тонкий стан, прямая спина, а живые глаза смотрели с выражением.

— Жоцзинь, — сказал Жун Цунцзинь, — давно не виделись. Ты даже весточки не прислал, неужели забыл меня?

— Какое же «давно»? На праздниках я просил Инь Пин передать тебе новые выкройки, — ответил Лян Жоцзинь, присаживаясь рядом. Инь Пин, стоявшая позади, подала им чай.

— Значит, если Инь Пин приходит, то ты уже можешь не показываться? — поддразнил его Жун Цунцзинь.

Инь Пин улыбнулась, а Лян Жоцзинь ответил тёплой улыбкой. Они были давними друзьями. Лян Жоцзинь в детстве ездил с родителями в Дяньнань, где и познакомился с Жун Цунцзинем. Вернувшись в Ванцзин, они продолжали переписываться. Годы дружбы связывали их, и при встрече им всегда было о чём поговорить.

Выпив по две чашки чая и вдоволь наговорившись, Лян Жоцзинь с неохотой поднялся:

— Я всё-таки хозяин, нужно поприветствовать гостей. Посиди ещё немного, а потом возьми в доме грелку для рук. Я скоро вернусь.

— Хорошо, — с улыбкой кивнул Жун Цунцзинь и, подозвав Би Тао, сказал, — я велел Би Тао принести тебе новый веер. Не бог весть какой подарок, просто безделушка.

— Какая безделушка? Неужели и для меня доли не найдётся? — раздался пронзительный, резкий голос ещё до того, как его обладатель появился. Гости на прогулочной лодке, смеявшиеся и болтавшие, умолкли и обернулись на звук. Лян Жоцзинь невольно нахмурился. Мгновение спустя в павильон вошёл шуан, ровесник Лян Жоцзиня, и, слегка поклонившись, произнёс:

— Братья, я, кажется, опоздал.

На нём была фиолетовая туника и парчовая накидка с вышитыми зелёными львами, а в нефритовой заколке для волос красовалась шпилька из чистого золота. Он был на шесть-семь долей похож на Лян Жоцзиня, но раскосые, изогнутые, как ивовый лист, глаза придавали ему несколько хищное выражение.

Сказав это, он, не дожидаясь ответа, с задранной подбородком, словно бойцовый петух, подошёл к Би Тао и, надменно ткнув пальцем, открыл парчовую коробку. Внутри, на атласной подкладке, лежал нефритовый веер. Пластины из лучшего белого нефрита, отполированные до одинакового размера, переливались на свету, словно вода. Рукоять из сандалового дерева источала тёплый, густой аромат, а заклёпка из чистого золота сверкала на солнце.

Глаза Лян Жоина блеснули. Он повидал немало диковинок, но такой ценной вещи ему ещё не встречалось. Недаром говорят, что поместье маркиза Динъюань несметно богато, если даже случайные подарки у них такие дорогие.

Лян Жоин достал веер из коробки. Нефрит, на удивление, был не холодным, а тёплым на ощупь, что вызывало восхищение. Глядя на чистый, как застывший жир, белый нефрит, он всё больше влюблялся в эту вещь. Крепко сжав веер в руке, он улыбнулся Лян Жоцзиню:

— Добрый брат, мне этот веер с первого взгляда приглянулся. Отец часто говорит, что братья должны быть дружны и уступать друг другу... Учитывая, что я младше, подари его мне.

— Кстати, белый чай, что я тебе недавно присылал, пришёлся по вкусу? — говоря это, он искоса взглянул на Лян Жоцзиня и, крутанув запястьем, с важным видом раскрыл веер, любуясь им.

Две унции старого чая, в котором половину веса составляли черенки, — и он смеет об этом напоминать. Лян Жоцзинь побагровел от гнева, его губы задрожали, но он не смог выдать ни слова.

Жун Цунцзинь вздохнул и, повернувшись к Лян Жоцзиню, с улыбкой сказал:

— С каких это пор ты полюбил белый чай? Зачем беспокоить твоего брата? Я напишу письмо в Дяньнань и попрошу клан Юнь собрать для тебя немного со своих чайных плантаций.

— Хотя в столичном магазине «Дэшуньчжай» чай тоже от них, тот, что они готовят для себя, имеет особый вкус. Наверное, у них есть свой секрет.

— Это... было бы просто замечательно, — пришёл в себя Лян Жоцзинь, поняв, что тот словами даёт ему знак не вступать в перепалку из-за мелочей. Вдалеке уже заметили их сцену, и сердце Лян Жоцзиня сжалось: позор ляжет на всё поместье графа Чжунъюн. Он коротко кивнул Лян Жоину:

— Забирай.

Он хотел замять ссору, но Лян Жоин, прищурившись, с улыбкой продолжил:

— Спасибо, братец. Но есть ещё одно дело. Матушка в последнее время очень опечалена, а мы, дети, должны ей помогать. Я-то ни на что не годен, но вот ты, братец, в хорошем настроении, может, подашь мне идею?

— Матушка управляет нашими землями и лавками. На днях она проверяла счета и обнаружила большие недостачи в серебряной лавке в переулке Юншунь и в трёх трактирах. Хотела вызвать управляющих для отчёта, но ни один не явился, все твердят что-то про опечатанные счета... — Лян Жоин вытер глаза платком и с горечью добавил: — Ай, хозяйку поместья слуги ни во что не ставят. Горько, когда управляющая доходит до такого. Что скажешь, братец?

— Ты... ты! — Это было приданное его матери! Лицо Лян Жоцзиня стало багровым, на шее вздулась вена. Он хотел было возразить, но как вынести на всеобщее обозрение такие дела? Он никогда не был мастером слова, и от гнева и бессилия метался, как на раскалённой сковороде, не в силах произнести ни звука.

— Четвёртый молодой господин, я твоему брату ровесник. Раз уж ты называешь его братом, то и ко мне, я полагаю, ты должен обращаться так же, — заговорил Жун Цунцзинь, видя, что его друг, сжав кулаки и вперившись в Лян Жоина огненным взглядом, вот-вот упадёт в обморок.

— Да... брат, — на мгновение опешил Лян Жоин. «Подружиться с маркизским сыном — дело хорошее», — подумал он. Этот вечно молчаливый маркизский отпрыск, водивший дружбу с его третьим братом, наверняка такой же тихоня. Он тут же стал любезнее и шагнул, чтобы взять Жун Цунцзиня под руку.

Жун Цунцзинь едва заметно уклонился и твёрдо произнёс:

— Раз уж я твой брат, то позволь мне сегодня дать тебе пару советов.

— Четвёртый молодой господин, хотя сегодняшнее собрание и проходит в вашем доме, но хозяином выступает твой брат. Ты же ворвался сюда, никого не известив, — это неуважение к старшему. Ты прерываешь чужой разговор, смеёшься и бранишься, не обращая внимания на других, — это невежливо.

— Только что я слышал, как ты рассуждал об имуществе графского дома. Но такие дела решают старшие, когда это мы, младшие, смели об этом говорить? Ты же обсуждаешь дела своих родителей. — Жун Цунцзинь говорил чётко, быстро, и каждое его ледяное слово вмиг срывало с Лян Жоина маску напускного остроумия.

<http://bllate.org/book/13698/1583278>